

Людмила ШАРГА

Солнечные зайчики

СТРАНИЧКИ ДНЕВНИКА

О причинах и следствии...

Пока я валялась на песке у самой воды и раздумывала, почему сегодняшний день сложился так, а не иначе, небо надо мной преобразилось самым чудесным образом. Расхотелось раздумывать.

Захотелось принять всё как есть, сморять, не отрываясь, на удивительные беглые облака, вспоминать Лема и любимый «Солярис» и потихоньку отраживать раковину, чтобы было, где быть.

Вчера ещё казалось, что панцирь лучше, надёжнее и прочнее.

Но сегодняшний день развеял напрасные сомнения — раковина и только раковина. Влажный утренний песок; опалесцирующее, говорящее о чём-то своём море; белая яхта под белым бермудским парусом; чёрный баклан, лениво покачивающийся на воде невдалеке от чёрного камня; отважный воробышек-пират у моих ног. Всё стало понятным и простым, закономерность выплыла на поверхность, и закон причины и следствия в образе мальчика, бросающего камни в воду, вступил в действие.

Остались сущие пустяки — прояснить, что есть причина, камешек или сам мальчик.

Круги, расходящиеся по воде, следствие, конечно же.

Камень, брошенный в воду, причина их появления.

Но есть ещё тот, кто бросил камень.

Мальчик, золотоглазый и медовокожий. Маленький Бог. Первопричина.

Возможно, он был Индрой, и этот игрушечный лук и стрелы на полотняной подстилке — синей, с белыми слониками — не случайны.

Возможно, он был Агни и потому кричит длинноногой молодой женщине, заплывшей далеко за буйки, в открытое море: «Ма... Майя! Мамочка... Майя!»

Возможно, он — Савитар, и каждый взмах его тонкой загорелой руки вызывает игру солнечных лучей, воздуха и воды.

Неожиданно он подбегает ко мне и протягивает гладкий белый камешек:

— Брось его!

Я пытаюсь отшутиться, но мне не по себе от детского взгляда золотых глаз.

— Бросай. И прекрати отраживать раковину.

Поняв, что сопротивление бессмысленно, бросаю камешек. Он летит неожиданно долго, касается воды, но не тонет, а снова летит. Обычно, такие «блинчики» у меня не получаются.

Но я уже начинаю привыкать к тому, что сегодня всё необычно.

— Раз, два, три, четыре, пять...

Мальчик считает. На счёт «пять» камешек тонет.

Всё правильно. Было бы странно, если бы он утонул на какой-то другой цифре. Моё число — пять.

— Что теперь будет? — спрашиваю я.

— Теперь всё будет хорошо, — смеётся он и, убегаю по влажной песчаной кромке, кричит: «Ма... Майя! Мамочка... Майя!»

До первой строки в новостях

Только что расплавленное струящееся серебро, бескрайнее и прекрасное, манило к себе и в себя, и вот уже тёмная гляцевая масса вздыхает у позеленевшего старого пирса, бурлит, негодует и под косыми лучами солнца расслаивается, разделяется, и каждая часть, будто бы сама по себе, живёт, не смешиваясь с соседней. Буро-зелёная густая взвесь пенится у берега — водоросли, мелкие раковины, камешки и песок.

Дальше — слой цвета нежнейшей бирюзы, играющий всеми оттенками голубого и зелёного.

За ним — маслянистая тяжёлая субстанция, которая ничем не напоминает морскую воду.

Всё это оно — море.

Оно меняется быстро и неуловимо. Оно бывает разным и, мгновенно преображаясь, преобразует берег.

Сегодняшний утренний — весь в водорослях, усыпанных мелкими ракушками и разноцветными камешками.

Встречаются камешки побольше, и все они укрыты тиной.

Сесть бы на один из них, положить голову на руки и смотреть печально и долго на воду, как васнецовская Алёнушка.

А потом достать из потаённого кармашка гребень, распустить волосы и причёсываться,

причёсываться, причёсываться, вспоминая все прежние имена и воплощения, и не удивиться, если кто окликнет: Лорелея или Ундина; и отозваться. Как звали несчастную гоголевскую панночку, утопленницу, ставшую русалкой? Забыла.

Кажется, у неё и вовсе имени не было. Тем лучше.

Безмянной безмолвной тенью скользнуть на дно морское и вынырнуть лет через сто, когда стихнут крики, иссякнет ненависть, воронки от мин и снарядов порастут травой и люди забудут о боли.

О прежней боли.

А новая ещё не напомнит о себе, не прояснится.

Какая-то часть меня упорно сопротивляется, не воспринимая действительность такой, как она есть.

Вроде бы получается.

До первой строки в новостях.

До первой сводки с фронта.

Спим наяву

Море выбросило к ногам бутыльное стеклышко-сердечко. Сколько таких сердечек находила я — и не сосчитать.

Так море отвечает на нелюбовь.

Человек, бросающий и бьющий бутылки, не думает о последствиях. Люди вообще редко думают о последствиях своих поступков. О том, что на осколок может наступить другой человек — такой же, как и он — и серьёзно поранится. О том, что человек этот может быть совсем крошечным.

Сколько осколков унесли волны. Море забирает нашу острую кричащую нелюбовь с рваными краями, очень похожую на звериный оскал. Забирает и превращает в гладкие разноцветные стеклышки, чтобы потом вернуть их нам.

Иногда оно выбрасывает стеклышки в форме сердца. Так море пытается сказать о любви. Жаль только, что мы не слышим и не понимаем его признаний.

Слишком заняты собой, озлоблены или... спим.

Спим наяву.

Море. Солнце. Солнечные зайцы на воде. Солнечная дорожка, по которой плыть так же волшебное и опасно, как и по лунной. Двое на пирсе. Смешная чайка, романтическая и любопытная. Завистливый голубь.

Чайка взлетает и из неуклюжей птицы с коротеньким, куцым телцем превращается в ту самую, белокрылую и вольную, чеховскую.

Что делает полёт с человеком. В смысле — с чайкой.

Шелковица

Лестница, усыпана ягодами шелковицы. Чёрные, розовые, белые...

Шелковица здесь растёт просто так — на склонах вдоль лестницы, на радость людям, вперемешку с алычой, жерделькой, яблоней. Никто за деревьями не смотрит. Солнышко пригрело, дождик полил — поспели ягоды и падают в траву и на ступени лестницы, под ноги людям, спешащим на море или с моря. Шелковица — мозаичное стеклышко моего детства.

Жаркое одесское лето: пыльные, пропахшие морем и асфальтом, «пятнистые» улочки; дребезг старого «пятецкого» трамвая, идущего на круг у Старокожного рынка; сине-чёрные пятна на асфальте, в тени, под раскидистой кроной старой шелковицы.

Сине-чёрными становились мои ладошки, и губы, и язык. И платье, конечно же. Платье.

Спелая шелковица — настоящая стихийное бедствие. Последствия сравнимы разве что с черникой — другой моей любимой, северной, лесной. Шелковица — она другая. Вкус другой, аромат. Душа. Нежная, сочная, невесомая.

Помнится, в тени тутового дерева искал спасения библейский герой — Иона. В тени старой шелковицы ищут спасения птицы, коты и люди в моём дворе. Варенье из неё красиво — разве только вишнёвое может сравниться с ним. И вкусно. Правда — вкусно!

Вечерний дождь, невероятный — в полнеба — закат, от которого просыпаются чувства тревоги и ощущение холода внутри. Идёт война. И это только кажется, что она далеко.

Летние дни и вечера — словно мозаичные стеклышки. Есть яркие, радостные, а есть чёрные, и их с каждым днём становится всё больше и больше.

Арсений

Обычно дети на море орут, визжат, носятся, как угорелые. Ещё бы: колыбель, родная стихия — вода.

Этот малыш ведёт себя иначе. Он приходит с мамой часов в семь утра, трогает воду, подносит к лицу, что-то говорит. Воды совсем не боится, маленький «взрослый» человечек. Рассматривает камешки, песок, раковины. Берёт в ладошки, подносит к лицу и снова что-то говорит на своём, одному ему понятном языке.

— Всегда такой был, — вздыхает его мама, миниатюрная зеленоглазая девочка. А у малыша глаза — синь-бирюза.

— Всегда — это сколько?

— Три с половиной года. Так хочется, чтобы побегал, покричал немного, как другие детки. Нет. Только рассматривает всё: листики, траву, цветы, воду, песок и камешки, словно видит впервые. И говорит с ними.

— Это же хорошо, что говорит. Значит, он их понимает, слышит. Наверное, будет поэтом. Как зовут?

— Арсений.

— Ну вот, видите. Что ж вы хотели от ребёнка с таким именем?

— Не знаю. Что, есть поэт с таким именем?

— Есть. Арсений Тарковский. Не заставляйте сына быть, «как все», не надо. Успеется.

Ветер вернулся

Ветер проснулся. Разбудил утреннее море, поднял волну, взбил облака у самого горизонта — на востоке — в густую пену и умчался куда-то.

Волна смыла остатки киснувших зелёных водорослей, обнажила берег, и несколько пустых раковин рапаны и мидий на песке.

Створки раковины мидии похожи на сброшенные крылья. Поднимаю раковину и проваливаюсь по колено на маленькую отмели. Вчера был отлив, вот и образовалась эта зыбучая ловушка.

Проснувшись чайки. Знакомая яхта под белым парусом вышла, наконец, в открытое море, туда, где на дальнем рейде спят и видят сны об океанах большие корабли, где грядя летучих облаков ждёт ветра.

Ветер вернулся, принёс настроение и желание писать, говорить, рассказывать.

После тишины внутри и снаружи, очень похожей на полный штиль, лишь изредка оживляемой тихими всплесками телефонных звонков и электронных писем, не терпится рассказать о воробьях, снующих над песком и поднимающих маленькие песчаные бури, о молодой и оттого не меру любопытной и общительной чайке Ларисе (да, именно так — Ларисе) и о том, что в городе цветёт софора японская и цвет её летит и лежит повсюду.

На мостовых и тротуарах, в троллейбусах и трамваях, на котах, растянувшихся безмятежно в тени на асфальте, на песке, и на воде — у самого берега, и на пёстром платке бабушки, торгующей мятой, и на пучках мяты — везде ароматные желтоватые мелкие цветки.

— Бери два пучка, — уговаривает бабушка, — тебе же на «мохиту»?

От неожиданности не знаю, что ответить.

— Всего лишь для мятного лимонада, — я обретаю, наконец, дар речи. — А вы и рецепт мохито знаете?

— Та какой там рецепт, — машет рукой бабушка, — мяту помыла, порезала, горилкою залила — вот и вся мохита.

— И что потом со всем этим делать?

— На хлеб мазать, — не выдерживает бабуля. — Що ще з горилкою можна робити?

Делаю лимонад, вспоминая «хэмингуэйскую» продвинутую старушку и улыбаюсь. К мятно-лимонной прохладе примешивается аромат цветков софоры — аромат июльского солнечного дня.

Колесо Сансары

Утреннее море спокойно. Вода настолько прозрачна, что можно наблюдать за стайкой серебристых мальков, играющих в своей морской «песочнице» вокруг медузы — маленькой и нежной.

После ночного ливня — с грозой, с порывами ветра — странно видеть и ощущать эти леньность, покой и умиротворение.

Несколько птичьих пёрышек покачиваются на поверхности. Стою, гадаю, какая пти-

ца их обронила. Или это знак — пора браться за дело, время не ждёт, но ждёт неоконченная повесть.

День сегодняшний складывается удачно и легко. Первая его половина — уж точно. Никуда не опаздываю, притом никуда не спешу. С самого раннего утра и до позднего вечера день мой состоит из глаголов действия. Проснуться, поздороваться с кошачьей братией и орхидеями, накормить и напоить и тех, и других.

Кот и кошка чинно сидят в сторонке, ждут, когда же я проснусь, наконец. В кормушках остатки корма, воды достаточно — могли бы давно позавтракать. Но нет.

Первый завтрак — только после того, как я встану и выйду на кухню. Выхожу, и колесо Сансары, запущенное когда-то давно, ускоряет вращение. Просмотреть почту, ответить на несколько писем, сделать несколько глотков талой воды.

Разбудить, накормить завтраком, проводить, пожелать удачного дня. Сварить кофе. Не пропустить кофейный вдох. Сделать несколько глотков. Можно бежать дальше.

По дороге сфотографировать куст жасмина во дворе. Он хоть и ложный, и зовётся чубушником, но цветёт же, цветёт! Под ним полно опавших лепестков, и вечерами аура его цветения поднимается на четвёртый этаж, вливается в мои открытые окна, и тонкий, чуть терпкий аромат, кружит голову и не даёт сосредоточиться на главном.

Впрочем, может быть, это и есть самое главное — цветение жасмина, а я бегу за чем-то второстепенным.

На прошлой неделе дня три бегала мимо распустившихся роз в скверике напротив нашего двора. Пока добралась до них с фотоаппаратом, три розы срезали. Мне досталась одна, правда, самая роскошная и гордая. Такая роза была у Маленького Принца, наверное.

В образовавшемся «окне» между забегами по добычанию хлеба насущного — море и только море. Сбежать вниз по лестнице — и прямо к воде, и целых полтора часа ничего и никого, кроме моря.

Заплыть далеко, лечь на воду и лежать долго, растворяясь, перетекая и вновь собираясь в единое целое, забыв о вращении, о бегах, о суете сует. Кровь оживает и обновляется.

Кровь донора и реципиента должна быть совместима — это из какого-то учебника или конспекта, не помню уже.

Человеческая кровь и морская вода не просто совместимы, они очень схожи по составу, и во времена второй мировой войны раненым переливали препарат морской воды для восполнения кровопотери (раствор АМ-4 Бабского). «Непрямое переливание» окончено.

Осталось уйти глубоко под воду, коснуться песчаного дна, открыть глаза на мгновение, увидеть, как встревоженные подводные барханы начали своё движение, и вынырнуть прямо к солнцу.

Вернуться на берег. Записать эти строчки.

Вспомнить о времени. И бежать дальше, и чувствовать, как ускоряет вращение колесо Сансары.

Обидчивые боги

Нашла сразу несколько камешков-боглазов — куриных богов — и вздохнула облегчённо.

Я уж подумывала, что что-то не так теперь с Ланжероном: куриные боги оставили его, перекочевали на другие, более спокойные пляжи. Оказалось, что всему виной невероятный наплыв курортников нынешним летом, которому я, с одной стороны, рада, а с другой...

Кто видел одесские городские пляжи (не частные — муниципальные) к вечеру, тот поймёт, о чём я.

Эти шустрейшие ребята смели всё: камешки, ракушечки, пёрышки, хорошо, хоть песок оставили.

Теперь пляжи полупустые, и раковины разные можно найти, и боглазики, и вообще. Нашла несколько камешков, которые ещё не стали куриными божками, но вот-вот, вот-вот...

Один клятвенно мне пообещал, что к следующему лету дырочка станет сквозной. Поверила и отпустила.

По одному из поверий, того, кто тебе подарил камешек-боглаз, непременно нужно поцеловать. Иначе подарок не принесёт ни удачу, ни здоровья, ни счастья. Вспомнилось, как подаренный мной боглаз был забыт, а попросту брошен на песок человеком лёгким и поверхностным, как оказалось впоследствии. Я поднимать камешек не стала, он уже не был моим, но мысленно попросила прощения.

Через полгода человек, бросивший боглаз, заболел. Сейчас с ним всё в порядке, а тогда я просто потеряла покой и была готова ехать на берег, искать брошенный камешек и просить о пощаде — не со зла человек так поступил, просто он такой... поверхностный.

А они такие обидчивые, куриные боги.